

П.С. Гуревич

ТЯЖКИХ ДУМ ИЗБЫТОК (Критические комментарии к докладу проф. Э.Ю. Соловьёва «Философия как критика идеологий» на первом заседании «Общеинститутского семинара» Института философии РАН, 7 июня 2016 г.)

Аннотация. Статья посвящена роли философии как оппонировающей инстанции по отношению к идеологии. Данная тема имеет долгую историю, в ходе которой складывались различные взгляды на эту проблему. Став актуальной в эпоху Просвещения, дискурс «критики идеологии» отразил самые полярные суждения по этому поводу. Теория интересов, согласно которой мышление человека определяется его инстинктивными или осознанными интересами, развилась в теории сознательного обмана. «Ложь» появилась на сцене в качестве нового элемента идеологии. С тех прошло более двух веков. Мощное интеллектуальное движение, направленное на критику идеологии, окончательно закрепило за ней статус «ложного сознания». Отталкиваясь от основных идей Э.Ю. Соловьёва, который, выступая на методологическом семинаре в Институте философии, представил развёрнутую исследовательскую программу по разоблачению идеологии, автор стремится расширить рамки дискуссии по этой теме. Автор опирается, вслед Э.Ю. Соловьёвым, на различные духовные традиции европейской культуры, которые позволили докладчику обосновать схемы контр-идеологической аналитики. Впервые в отечественной философии проводится мысль о том, что «критика идеологии» как определённая исследовательская парадигма, направленная на её изобличение, изжила себя. Чисто когнитивное отторжение этого феномена не сопровождается разносторонним изучением самого социального феномена – идеологии. В результате восприятие идеологии как иллюзии явилось всего лишь первым уровнем размышлений над ней. Позже Г. Гадамер признал, что «критики идеологии» просчитались в оценке её очевидной неприемлемости. В материале отмечается, что «критика» не сокрушила идеологии, которая по-прежнему выполняет в обществе присущие ей социальные функции, в первую очередь интегративные. Таким образом, социальный философ неизбежно сталкивается с идеологией. Тема соотношения философии и идеологии не только актуальна, но и весьма содержательна. Однако она не исчерпывается разоблачением социальной мифологии.

Ключевые слова: власть, философия, идеология, социальный миф, историцизм, скептицизм, цинизм, обман, истина, открытость истории.

Abstract. This article is dedicated to the role of philosophy as an opposing instance with regards to ideology. This topic has a long history behind it, during the course of which the various outlooks upon this issue have been establishing. The discourse “criticism of ideologies”, having become relevant during the Enlightenment era, reflected the most popular commentary on this subject. The theory of interest, according to which reasoning of a person is defined by its instinctive or conscious interests, was developing within the theory of intentional deception. Over two centuries have passed since that time. A powerful intellectual movement aimed at criticism of ideology, irrevocably assigned to it a status of “false consciousness”. Basing himself on the fundamental ideas of Solovyev, who presented an extensive program for debunking the ideology at a methodological seminar in the Institute of Philosophy, the author attempts to expand the frameworks of discussion on this topic. For the first time in Russian philosophy, the author suggests a thought that the “criticism of ideology” as a certain research paradigm aimed at its exposure, outlived itself. A purely cognitive rejection of this phenomenon is not being accompanied by the versatile examination of the social phenomenon itself – ideology. As a result, the perception of ideology as an illusion became just the first level of thoughts on the matter.

Key words: Openness of history, Truth, Deception, Cynicism, Skepticism, Historicism, Social myth, Ideology, Philosophy, Power.

Отказ от национальной идеи?

В Институте философии РАН прошло обсуждение первого доклада на общепрофессиональном методологическом семинаре. Профессор, доктор философских наук Эрих Юрьевич Соловьёв посвятил своё выступление «критике идеологий». Смысл доклада был определён им как обоснование ориентирующей схемы контр-идеологической аналитики, которую философское просвещение, если оно ещё возможно, должно противопоставить нынешнему, массивному наступлению на разумность.

Существо доклада выражено автором в трёх концептуальных пунктах:

1. Информационное противоборство удивительно по своей совокупной динамике. Перед нами – превратная диалектика: борьба противоположностей, которая одновременно является их единством; отчуждённое и скрытное сотрудничество антагонистов, занятых «общим делом» ... глобального умопомрачения. Отсюда – любопытнейший феномен зеркальной идеологической симметрии. На обеих сторонах противоборства царит однотипная речевая жестикация, однотипная софистика и казуистика. Ортодоксы враждующих идеологических верований похожи на людей, которые по тайному сговору то и дело спускают друг на друга духовно родственные компрометирующие тексты.
2. Основная цель однотипных воюющих идеологий – это мобилизация массовых аудиторий, захваченных каждой из них.
3. В ходе информационного противоборства в конфликтующих идеологиях складываются сходные, однотипные представления об организации сознания людей – *о самой идеологии*. Представления эти можно было бы назвать «вульгарной социологией знания» (в том смысле, в каком Маркс говорил о «вульгарной экономической науке») [1].

Чем же отвечает (или должна ответить) на этот дискурс, по мнению Э.Ю. Соловьёва, философия как критика идеологий? По убеждению докладчика, борьбой за дискурсивность речи и императивом логической ответственности. Эта установка известна уже Сократу в его противостоянии софистам; известна схоластам, боготворившим аристотелевскую логику. Общий пафос доклада состоит в том, что философия обязана противостоять идеологической экспансии на разумность.

Признавая высокую ценность самого доклада, я хотел бы по возможности раздвинуть горизонты данного обсуждения и высказать ряд мыслей, свя-

занных с «критикой идеологий». Концептуальная часть доклада содержит теоретические положения, давно уже отвергнутые философской мыслью. В последние десятилетия к обсуждению затронутых вопросов подключились столь авторитетные европейские философы, как Ж. Лакан, П. Рикёр, Ж. Бодрийяр. О том, что идеологи по тайному сговору имитируют противостояние позиций можно прочитать у Ж. Бодрийяра (о том, как информация пожирает свой собственный контент): «Бесполезно выяснять, что первоначально – ни то и ни другое, потому что это циклический процесс – процесс симуляции, процесс гиперреальности» [2, с. 111-112]. О живучести идеологии написано у П. Рикёра: «В понятие “идеологии” не следует вкладывать только тот уничтожительный смысл, который придаёт ему Маркс и который ассоциируется у нас с искажением реальности под влиянием классовых интересов. Негативный аспект идеологии должен рассматриваться как частная характеристика более общей и вместе с тем более позитивной её концепции» [3].

Эти ссылки, само собой разумеется, ни в коей мере не умаляют ценности самого доклада. Э.Ю. Соловьёв, вне всякого сомнения, оригинально мыслящий философ. Регламент выступления на самом деле не позволил ему прояснить все вопросы столь сложной темы. Но хорошо продуманный доклад Э.Ю. Соловьёва в то же время вызывает много вопросов.

Хотелось бы уточнить, где нужно строить баррикады или идти в атаку против массивного наступления на разумность? Проще говоря, кого хотим просветить – власть, идеологов, массы?

Можно ли рассчитывать на успех, если, по словам Ж. Лакана, мы сами тотально заидеологизированы? Идеология настолько прочно впечатана в социальное бытие, что любая её критика парадоксальным образом только укрепляет её позиции. Даже указание на отдельные «благглупости» (слово, кстати, придуманное Н.М. Карамзиным) идеологии не в состоянии отменить её неопровержимый статус.

Идёт ли речь о философском просвещении масс или «аналитика» предполагает дискуссии с идеологами? В первом случае нельзя не учесть давно доказанного соображения о том, что массы не нуждаются в этом просвещении. Современные идеологические акции настолько очевидны по своему содержанию, что ни в каких комментариях они не нуждаются. С другой стороны, массы настолько впечатаны в идеологический процесс, что идеология как раз и призвана обслуживать «нас возвышающий обман». В этом случае философское просвещение может вызвать эффект бумеранга.

Выступая против воодушевляющих идеологических проектов, Э.Ю. Соловьёв убеждён в том, что наш Президент отказывается от идейных мобилизаций в сфере идеологии. Если это так, то доклад уважаемого профессора приобретает откровенную идеологическую окраску. Эксперты, в частности Т. Адорно, утверждают, что есть некоторые постоянные черты идеологического текста. Идеолог обычно начинает свои рассуждения с собственного эмоционального состояния. Эрих Юрьевич тоже характеризует свой доклад как плод горестных раздумий над ситуацией. Вторая черта идеологического текста – своеобразное двоемыслие. В самом деле, предлагая хорошо оснащённую исследовательскую программу, Э.Ю. Соловьёв сам же парадоксально снимает её напряжение, ссылаясь на российские неудачи «изобрести» национальную идею. Наконец, Э.Ю. Соловьёв апеллирует к абсолюту, в данном случае к мнению российского Президента. Если Президент в своём выступлении 4 февраля 2016 г. в Клубе лидеров российского бизнеса действительно поставил точку на поощрительно-выжидательном отношении государства к открытию мобилизующей русской идеи, стало быть, необходимость в «критике идеологии» в определённом смысле вообще снимается. Или мы обеспечиваем идеологическую поддержку мнению Президента? Но разве наш Президент отказался от искания национальной идеи? Разве он не рассматривает патриотизм как серьёзную российскую идеологию? И, может ли вообще патриотизм отказаться от доктринёрского содержания и эмоционального градуса, то есть освободиться от идеологизма?

Деидеологизация и реидеологизация

Известно, что мысль о «конце идеологии», внедрённая в общественное сознание в 60-е годы прошлого века технократически ориентированной элитой, закончилась позорной и тотальной капитуляцией ведущих европейских социальных мыслителей, в том числе Р. Арона, Д. Белла, З. Бжезинского, С. Липсета, Ж. Эллюля. Полагая, что технократическая экспертиза общественных процессов приведёт к закату идеологии, эти и другие исследователи провозгласили начало нового уклада социальной организации. Они, опережая друг друга, доказывали, что научно-технократические рекомендации навсегда отменяют необходимость в «ложном сознании».

Однако буквально в одночасье эти же авторы стали отрешиваться от собственной позиции, утверждая, что их неправильно поняли, что они хотели выразить совсем иную общественную

тенденцию. Оказалось, что речь идёт не о «закате идеологии», а об её неумолимом диктате. Её роль в обществе превысит значение научного знания. Эти взгляды получили в общественном сознании название «реидеологизации».

По первому впечатлению, всё это и обязывает социально ответственную мысль восстать против власти идеологии и её бесконтрольного угнетения. На деле философы отказались от критики реидеологизаторского полноводья. Исследователи стали утверждать, что идеология является скрепой общества, она выполняет интегративные функции и всякое умаление идеологии несёт ей особые дивиденды. Французские философы, в частности Ж. Лакан, стали утверждать, что самоотчуждение индивида вызвано тем, что идеология проникла во все поры общества и всё вокруг охвачено идеологией.

Коли так, должна ли философия заниматься критикой идеологии? Было бы безответственно заявлять: нет, не должна. Но насколько уместно выдвигать такую критику идеологической продукции в качестве актуальной философской задачи в наши дни? Позволю себе высказать по этому поводу следующее соображение. Мощное изобличение идеологий, ставшее заметным просветительским проектом более двух столетий назад, по сути дела себя исчерпало. Уже в XIX в. Ф. Ницше пришёл к убеждению, что иллюзорное (идеологическое) мышление неизбежно у непросвещённых людей. Он также полагал, что изобличение социальных мифов не может быть вменено философу.

Вслед за ним известный социолог Ж. Сорель заявил, что просвещение масс невозможно. Отсюда вывод, что прямое политическое действие невозможно без мифа. Идеология по определению не может быть образцом интеллектуальной стройности и логичности. Осуждение её по критериям научности, скептицизма и безупречной логичности всегда будет непонятно широким массовым аудиториям. Идеология питается постоянной реакцией на «отравление разумом» (выражение Стефана Цвейга).

Согласно В. Парето, идеологиям в будущем будет отведена бóльшая роль, чем науке. Действия человека преимущественно носят нелогический характер, продиктованы прежде всего чувствами и желаниями людей. Они могут быть рационализированы только их *post facto*. Лишь отказавшись от псевдологических оправданий, можно понять истинную мотивацию тех или иных действий. Идеологическая основа такого рода оправданий может изменяться, но оно никогда не исчезнет, поскольку иррациональный импульс к действию является неотъемлемой и неизменяемой частью человеческой природы.

Когнитивная критика

Критика идеологии в докладе Э.Ю. Соловьёва носила в основном когнитивный характер. Соответственно задача философа состоит в том, чтобы разоблачать разного рода социальные фикции. Однако эти интеллектуальные усилия далеко не всегда можно назвать «критикой идеологии». Социальный философ обеспечивает глубокую экспертизу отдельных идей и концепций. Он не может ограничить свою деятельность изобличением лишь конечного продукта идеологического творчества. Его взгляд на общественные проблемы требует должной социальной теоретичности.

Эрих Юрьевич отмечает, что другой важнейшей продукцией информационного противоборства являются воодушевляющие проекты (сплошь и рядом – логически притязательные). Их ценность определяется, по его словам, способностью индуцировать единомыслие, энтузиазм и готовность к лишениям и жертвенности. Воодушевляющие проекты, считает докладчик, достаточно точно отвечают понятию миссии, и дискурс соответствующей агитации и пропаганды может называться «миссионистским».

Само собой понятно, что социальный философ не может не заметить очередного упования власти на историцизм, научность и логическую несуразность. Однако в существовании самой идеологии за последние десятилетия произошли существенные перемены. Исследователи едва ли не всех странах отмечают, что идеология в наши дни не претендует на научность. Она не помышляет также о литургически стройной аргументации собственных притязаний. Власть может на протяжении полугодия послать обществу самые парадоксальные сигналы. В начале мирового кризиса отечественные политики высокого ранга авторитетно заявили, что кризис возник в США и относится только к этой стране. Нас, дескать, он не коснётся. Прошло всего несколько месяцев, и появилась экспертиза: пожалуй, кризис нас коснётся. А чуть позже третье заключение – ещё как коснётся. Понятно, что историческая ситуация меняется. Но идеолог даже не пытается поставить в одну линейку эти три разных послания. Такая стройность в диалоге с обществом на уровне идеологии чаще всего нелепа.

Стремление политиков и социальных философов разоблачать идеологические мифы давно иссякло. Каждый идеолог в наши дни стремится принять позу обличителя. Он квалифицирует деяния своих оппонентов как безумие, предательство иллюзии, авантюризм. Идеология уже не пытается предстать перед людьми в роли научного знания.

Она эксплуатирует отдельные идеологемы, стереотипы, фантазмы. Когнитивная расправа с врагами мало что меняет в общественном пространстве. Не случайно о дальнедействии идеологии стали писать в последние десятилетия многие исследователи. Критика идеологии зашла в тупик. Общая посылка, видимо, сводится к тому, что интеллектуальными усилиями устранить идеологию не удаётся. Она «существует – и ни в зуб ногой» (В. Маяковский).

Критика идеологии не может сводиться к когнитивным усилиям «деидеологизаторов». Кроме «думания», нужно ещё «делание». Это, кстати, мысль Сл. Жижика. Ещё раз отметим, что к изучению идеологии подключились столь известные мыслители, как Т. Адорно, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, П. Рикёр. Вполне очевидно, что «критика идеологии» стала замещаться более продуктивными размышлениями социальных философов, которые переставили акценты в осмыслении идеологии. Всё чаще мыслители стали думать о том, какую значимую роль играет идеологии в жизни современного общества. Некоторые авторы стали размышлять о вредности изобличения идеологии. Например, ныне хорошо известный американский исследователь П. Слотердаик, отмечая ложность идеологии, в то же время сомневается в том, что её следует истощить и ликвидировать. По мнению П. Слотердайка, «критика идеологии» уходит, а её место замещает «циничный разум» [4].

О неразличимости идеологии и её критики заговорили также и «новые философы» во Франции. Их признанный лидер Анри Глюксман обратил внимание на тщетность прямого изобличения идеологии: «Хватка семи мудрецов мало походит на благочестивую борьбу “разума” со “страстями”, она предполагает иные членения умственной вселенной. Её можно понять, должно быть, лишь предположив, что их воинственные устремления ограничиваются их незнанием и что тем самым утверждается скорее намеренная слабость, ограниченность мудрости, чем её сила? Мудрецам-властителям не чужда золотая лихорадка, страсть (прекрасная Елена – объект самых ожесточённых раздоров), но вместе с тем они побуждают к умалению разума. Такое умаление имеет смысл лишь в том случае, если в притязаниях знания усматривается опасное безумие – не менее опасное для власти, чем традиционные “причины” конфликтов, экономические или психологические» [5, p. 146].

Почему двухсотлетняя критика идеологии не принесла нужных результатов? Отчего общественное сознание дрейфует в сторону «помрачения»? Каким образом снова и снова создается вновь и вновь мифология мифа, который, как выясняется

теперь, может содействовать перестраиванию общественного бытия, регулировать внутренние социальные связи, придавать глубочайшее значение этическим нормам, вооружать человечество сверхличностными целями?

Общественная практика показывает, что критика идеологии выгодна как власти, так и самим идеологам. В результате такого диалога, как отмечал в своё время Э. Эрикссон, идеология приобретает статус церемониальной маски. Паритетное участие в спорах с философами прибавляет идеологам нужную метафизическую оснастку. При этом власть всегда сохраняет за собой «контрольный пакет». Если критика идеологии приобретает опасный характер, власть использует и другие средства формирования нужных взглядов.

Как показывает П. Слотердаjk, цинизм выжидает на заднем плане, чем закончится идеологическая суетня. По его мнению, мощный антирационалистический импульс в странах Запада есть реакция на духовное состояние, при котором всё мышление превратилось в стратегию; он указывает на наступившее отвращение к определённой форме самосохранения. Это – осязаемая дрожь от ледяного дыхания действительности, в которой знание – это сила, а сила – это знание. По словам Слотердаjка, эпоха Просвещения настолько развила диалектику рассудка и чувственности, что разорвала их. Он считает, что критика идеологии переживает не лучшие времена.

Цинизм как замена идеологизма

Почти повсеместно обретаемый опыт питает скрытые разновидности цинизма современных просветителей. Если поначалу казалось, что Просвещение неизбежно заканчивается циническим разочарованием, то вскоре лист будет перевернут, и исследование цинизма станет обоснованием славной свободы от иллюзий. Просвещение всегда было разочарованием – в позитивном смысле этого сло-

ва, разочарованием как освобождением от чар, и чем больше оно прогрессирует, тем ближе момент, когда разум заставит нас сделать попытку утверждения чего-то.

Приверженцы «критики идеологии» мечтали освободить общественное сознание от предрассудков и иллюзий. Но разоблачение и отвержение грёз и мечтаний, утопических благих надежд вызвало господство цинизма. Это, впрочем, проявляется и в самой идеологической практике. Носитель очередной идеологии уже не заботится о том, чтобы она приняла видимость научности, объективности, разумности. Многие социальные мифы господствуют в общественном сознании в самом циничном своём облике. Слотердаjk рассматривает цинизм как личностную фундаментальную установку, порождённую безрезультатной критикой идеологии.

Не означает ли сказанное, что современный философ должен уклониться от «критики идеологии». Разумеется, нет, не означает. Есть законы жанра. Указывать идеологу на алогичность его интеллектуальной практики бессмысленно. А вот отношение к идеологии как к особому социальному феномену, изучение живучести мифа, судя по всему, требует особой установки. Сегодня уже признано, что миф даёт возможность преодолеть важнейшие интеллектуальные травмы, которые являются результатом жизненного опыта всех людей и каждого в отдельности – важнейшая функция идеологии. Она позволяет индивиду пережить абсолютное господство слепой судьбы, факт своей смертности и мимолетности бытия, бессилие человеческих устремлений, ничтожество человека в бесконечной Вселенной, одиночество личности и трагичность своего жизненного пути. Миф приносит индивиду систему сверхличностных целей.

Общие маргиналии на полях доклада Э.Ю. Соловьёва ни в коей мере не снижают ценности предложенных им идей и дают установку на раскачку мысли.

Список литературы:

1. Соловьёв Э.Ю. Проспект доклада «Философия как критика идеологий» на первом заседании «Общественного семинара» Института философии РАН, 7 июня 2016 г. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2016/07_06_2016_soloviev.pdf (дата обращения: 15.06.2016).
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.
3. Рикёр П. Может ли быть научной концепция идеологии? // Теории идеологии и идеологической борьбы: сб. Вып. 3 / Отв. ред. П.С. Гуревич. М., 1980. С. 266-285.
4. Слотердаjk П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 584 с.
5. Glucksman A. Cynisme et passion. Paris, 1991. 415 p.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет; КДУ, 2006. 258 с.
7. Гранов В.Д., Гуревич П.С., Семченко А.Т. В поисках духовной опоры. М.: Международные отношения, 1981. 210 с.
8. Гуревич П.С. Механика политической мифологии // Психология и психотехника. 2013. № 7. С. 621-626.

9. Спирина Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 336 с.
10. Эллюль Ж. Политическая иллюзия / Под ред. В.И. Даниленко. М.: NOTA BENE, 2003. 432 с.
11. Гроссман Э.А. Андре Глюксман о психологии властителей мысли // Психология и психотехника. 2010. № 7. С. 27-43.

References (transliterated):

1. Solov'ev E.Yu. Prospekt doklada «Filosofiya kak kritika ideologii» na pervom zasedanii «Obshcheinstitutskogo seminar» Instituta filosofii RAN, 7 iyunya 2016 g. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2016/07_06_2016_soloviev.pdf (data obrashcheniya: 15.06.2016).
2. Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyatsii. M.: Izd. dom «Postum», 2015. 240 s.
3. Riker P. Mozhet li byt' nauchnoi kontseptsiya ideologii? // Teorii ideologii i ideologicheskoi bor'by: sb. Vyp. 3 / Otv. red. P.S. Gurevich. M., 1980. S. 266-285.
4. Sloterdijk P. Kritika tsinicheskogo razuma / Per. s nem. A.V. Pertseva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2001. 584 s.
5. Glucksman A. Cynisme et passion. Paris, 1991. 415 p.
6. Bodriyar Zh. Prozrachnost' zla. M.: Dobrosvet; KDU, 2006. 258 s.
7. Granov V.D., Gurevich P.S., Semchenko A.T. V poiskakh dukhovnoi opory. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1981. 210 s.
8. Gurevich P.S. Mekhanika politicheskoi mifologii // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 7. S. 621-626.
9. Spirova E.M. Filososfsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M.: «Kanon+» RООИ «Reabilitatsiya», 2012. 336 s.
10. Ellyul' Zh. Politicheskaya illyuziya / Pod red. V.I. Danilenko. M.: NOTA BENE, 2003. 432 s.
11. Grossman E.A. Andre Glyuksman o psikhologii vlastitelei mysli // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 7. S. 27-43.